

Юлий Михайлович Антоновский

**Джордано Бруно. Его жизнь и
философская деятельность**

Юлий Михайлович Антоновский
Джордано Бруно. Его жизнь
и философская деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175473

Аннотация

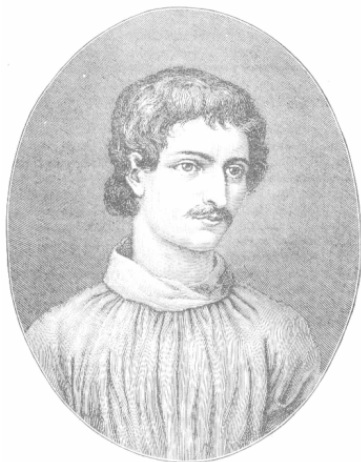
Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение	5
Глава I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ю. М. Антоновский Джордано Бруно. Его жизнь и философская деятельность

*Биографический очерк Ю. М. Антоновского
С портретом Джордано Бруно, гравированным в
Лейпциге Геданом*

Введение

Джордано Бруно был одним из великих мыслителей и поэтов эпохи Возрождения, когда, как говорит один из историков мысли этой эпохи, Брунгофер, «воскресла вновь зарытая в течение тысячелетия, в глубине памяти человечества и под развалинами разрушения, древняя культура, обогатившая исследования истины, добра и прекрасного мастерскими произведениями Греции и Рима. Группа Лаокоона, Аполлон Бельведерский и Медицейская Венера вновь появились на свет, почти одновременно с печатными изданиями Гомера и Софокла, Платона, Аристотеля и других поэтов и мыслителей Греции и Рима. Открытие следовало за открытием. Народы жили в постоянном внутреннем возбуждении и тревоге, свойственных только эпохам, в которые даже малоодаренные от природы люди, захваченные потоком новых ощущений, живо чувствуют, что старое клонится к могиле и что начинается новая эра развития».

В такую-то эпоху и явился Бруно со своим мирозерцанием, пребывавшим в совершенном противоречии с господствовавшим умственным и нравственным порядком. Философия Бруно привела его на костер. Главным обвинением против него было его учение о бесконечности вселенной и множестве миров. Семь лет томился Бруно в ужасных тюрьмах инквизиции, ибо судьи не теряли надежды, что он все-

таки отречется наконец от своих научных убеждений. Однако для Бруно это оказалось нравственно невозможным, и он добровольно предпочел смерть. 17 февраля 1600 года он был, с особенной торжественностью, сожжен на костре в Риме на *campo dei Fiori*, он стал пеплом, и ветер развеял этот пепел. Зато созданная им философская система, послужившая впоследствии основанием для дальнейшего развития европейской мысли, равно как и последний совершенный им подвиг самоотвержения во имя истины, сделали Бруно не только героем эпохи Возрождения, но и благороднейшим представителем мысли и чувства для последующих поколений. Однако жертва, принесенная им новому, научному миросозерцанию, не только оспаривалась в течение трех веков, но и теперь еще не всегда оценивается по достоинству. Так, например, французский ученый Эрнест Ренан, в одном из своих первых *Essays*, утверждает, будто одна только религия и мечтательность могут создавать мучеников, что трезвая истина и наука в них не нуждаются. По его мнению, нет оснований, почему бы, когда потребуют власти, ученому мужу и не отречься публично от признаваемой им истины, если он убежден, что, несмотря на его отречение, она незаметно все равно распространится в обществе. Ренан вспоминает при этом о Галилее, который счел возможным без ущерба для истины публично отказаться от своего учения о движении Земли вокруг Солнца, и противопоставляет ему Джордано Бруно как пустого мечтателя и безумца, который пред-

почел смерть отречению от своей «бездоказательной» философии. Чтобы понять, почему Галилей и Бруно держали себя неодинаково по отношению к одной и той же истине, следует иметь в виду существенное различие между наукой и философией.

Общий предрассудок рисует философа ведущим уединенный созерцательный образ жизни; царство философа не от мира сего; в мире борется «воля» за свои вечно новые потребности и желания, возникающие тотчас по удовлетворении прежних нужд и стремлений; между тем он, философ, дышит спокойной, бесстрастной атмосферой чистого умозрения.

Одинокая, отшельническая жизнь Спинозы, Канта и Шопенгауэра как бы подтверждает это ходячее представление о философе. Тем не менее, представление это вытекает из недостаточного понимания философии. Под этим термином следует подразумевать не одно только знание, но и *любовь* к нему, любовь к истине и мудрости. Область философии не одна лишь наука, но также известное аффективное отношение к ее истинам; философия имеет дело не с одной только действительностью, но и с нашими стремлениями к лучшему, которое мы должны еще создать своей волей и энергией. Она, говорит Риль, возвещает будущие совершенства, которые не существуют, но которые могут существовать. Средство, каким она ведет нас к этому, вовсе не доказательство, а возбуждение веры в человечество и в то добро, которое

должно твориться им. Поэтому истинная философия всегда считала своим практическим призванием участвовать в деле выработки общечеловеческих идеалов, и история мысли свидетельствует, что философские учения имели не только горячих адептов, но иногда даже мучеников. Одним из них и был Джордано Бруно.

В заключение приведем следующую прекрасную характеристику Бруно, сделанную его русским биографом, А. Н. Веселовским: «Когда старые общественные идеалы по-видимому еще стоят крепко, а новые едва намечены в сознании масс, как нечто готовящееся, возможное, без особой цены и значения, – только немногие выдающиеся личности переживают их сознательно, открывают их жизненный смысл и обновляющую силу. Такие личности обыкновенно являются одиноко: за ними идет толпа последователей, они не добиваются признания; чем уединеннее их подвиг, тем исключительнее их вера в стоимость новых идей; они предаются им без контроля и общественной поддержки, со страстностью легендарного анахорета, увлеченного в лес пением райской птички. Чем далее они сами от общества, тем более крайне вырабатываются их одинокие убеждения, тем смелее жизненные выводы, которые они делают из них в смысле социального и религиозного обновления. Тогда между ними и обществом происходит разрыв. Нельзя сказать, чтобы они явились слишком рано: они только слишком рано высказались, хотели сделать обязательным то, что еще смутно покоилось

в сознании масс как невыясненное, далекое от всякого житейского приложения. На всем этом они настаивали и слишком быстро переходили к заключениям, исходя из посылок, которые в сущности всякий готов был им уступить, но которым предстояло дозреть до осязательных выводов целым рядом поколений. Они – голос зовущего ночью, когда нерадивые девы спят и не зажжены еще светильники. Их сторожевой оклик нарушает обычный покой и слишком рано зовет проснуться. Оттого их удаляют. Осуждая их на казнь, толпа не дает себе отчета, что она обрекает в зародыше свою собственную мысль, свое будущее, на дорогу которого они первые вступили, приняв едва брезжащие лучи за близость рассвета».

Глава I

Родители Бруно. – Случай со змеею в раннем детстве. – Характеристика Шиллером Филиппа II и испанской инквизиции. – Поступление в монастырь. – Занятия философией. – Свотильник и Ноев ковчег. – Первое обвинение в ереси. – Священнический сан. – Второе обвинение и бегство из Рима. – Бруно ищет себе занятий в Генуе, Савойе, Турине, Венеции и Падуе. – Он покидает Италию

Бруно родился в 1548 году, в Ноле, провинциальном городе Неаполитанского королевства. Его отец, Джованни Бруно, был военным; его мать звали Фраулиса Саволина; сам же он при крещении получил имя Филипп. Нола, где родился Бруно, находится в нескольких милях от Неаполя, на полдороге между Везувием и Тирренским морем; она всегда считалась одним из самых цветущих городов Счастливой Кампаньи (Comagna felice). Основанная в восьмом столетии до Р. Х. греческими выходцами из Колхиды, Нола в период римской и средневековой истории постоянно разделяла изменчивую участь Кампаньи, никогда, однако, не подверга-

ьясь неприятельскому разорению. Поэтому в ней до позднейшего времени могли сохраняться не только древнегреческие обычаи и праздники, но и сам характер ее жителей носил на себе несомненный отпечаток эллинизма. Ряд выдающихся людей, – такие, как философ Понтан, филолог Лаврентий Балла и поэт Пансило, сделали из Нолы центр умственной жизни. Если к этому присоединить чарующую прелесть окрестностей, с юго-запада – постоянно дымящийся Везувий, этот прообраз вечно деятельной природы, с северо-востока – почти тропический ландшафт, простирающийся через Казерту до Капуи, с фантастическим богатством зелени, цветов и плодов на переплетающихся ветвях тополей, мирт, тутовых и каштановых деревьев и виноградных лоз, то легко себе представить, какое действие на одаренного мальчика Филиппа Бруно производил весь этот земной рай с его никогда не исчезающими воспоминаниями о временах греческой колонизации. И действительно впечатления родного пейзажа не покидают его потом никогда: всюду он носит с собою образ своей милой Нолы, он любит называть себя ноланцем, свою философию ноланскою, выводит в своих философских диалогах действующими лицами своих знакомых из Нолы. «Италия, Неаполь, Нола! Страна, благословенная небом, глава и десница земного шара, правительница и победительница других поколений, ты всегда представлялась мне матерью и наставницей добродетелей, наук и человеческого развития».

О раннем детстве Филиппа мы знаем очень мало: до нас дошел лишь один рассказ, относящийся к самому первому периоду его жизни и свидетельствующий, как рано началось его духовное развитие. Однажды ядовитая змея, часто встречающаяся в этих краях, заползла в дом, где жили Бруно, и успела обвиться вокруг лежавшего в колыбели малютки; к счастью, последний не спал, заметил змею и с испуга впервые в жизни членораздельными криками стал звать отца, бывшего в то время в соседней комнате. Впоследствии Филипп, будучи уже большим мальчиком, как-то совершенно для себя неожиданно, вспомнил эпизод со змеею и рассказал о нем удивленным, давно уже позабывшим этот случай родителям, причем он буквально передал слова, которые произносил отец, убивая змею.

Первые 10 лет детства Бруно прошли в замечательно благоприятных условиях как относительно природы, так и окружавших его людей. Город Нола по-прежнему продолжал пользоваться славой одного из прелестных уголков мира; но не таковым было положение самого Неаполитанского королевства, пребывавшего с 1504 года под испанским игом. В то время королем Испании был Филипп II, который, как известно, никогда не улыбался в жизни и которого Шиллер охарактеризовал следующими мастерскими штрихами: «Этому уму были чужды радость и доброжелательность. Его существо было наполнено лишь двумя представлениями: о себе и о том, что стояло выше этого я. Эгоизм и религия наполняли

всю его жизнь. Он был король и христианин, и был плох в обоих отношениях, так как хотел соединить в своем лице то и другое. Его религия была грубая и жестокая, ибо и Бог его был существом ужасающим».

Неаполитанским королевством управлял, именем Филиппа, герцог Альба, успевший уже проявить свою кровожадную натуру даже в этой вполне католической и покорной стране, так что когда в 1567 году он был отозван в восставшие протестантские Нидерланды, то слух о его жестокости предшествовал его приезду и наполнил ужасом эту страну. Собственно, этих двух имен было бы достаточно, чтобы охарактеризовать те общие тяжелые политические условия, среди которых рос Бруно. Но к иноземному гнету присоединились еще и землетрясения, чума и большие неурожаи в Счастливой Кампаньи, откуда, тем не менее, испанское правительство, несмотря на то, что земледельцы тысячами умирали с голоду, отправляло ежегодно громадные суммы собранных с народа денег и целые суда, груженные хлебом. Наконец, турки, обладая лучшим флотом, часто делали набеги на берега Кампаньи и уводили в рабство сотни мужчин, женщин и детей. Правительство, само отличавшееся разбойничьим характером, было не в состоянии оградить страну от разбойников в буквальном смысле, которые, часто под национальными лозунгами, грабили обеспеченных людей и наводили страх на более состоятельные классы общества.

Но ужаснее, чем все эти несчастья, была инквизиция. В то

время не только на севере Европы, но и в самой Италии начинали обнаруживаться первые проблески религиозной реформации. Против них-то и была направлена худшая из всех инквизиций – испанская. Она преследовала всюду свободу совести и настигала ее в самых глубоких тайниках человеческого духа. «Если церковь, – говорит Шиллер, – желала одержать окончательную победу над враждебным ей направлением умов, ей по необходимости следовало уничтожить весь образ нравственного характера, заложенный в самой истинной основе его; она должна была уничтожить его тайные корни в самых сокровенных источниках человеческой души, погасить все следы его в сфере домашней жизни и в общественных отношениях, даже заставить умереть всякое воспоминание о них и, насколько возможно, сделать человека невосприимчивым к нравственным впечатлениям. Родина и семья, совесть и честь, святые чувства общности и естества – суть первые нравственные связи, тесно сплетающиеся с религией, от которых она получает свою внутреннюю силу и, в свою очередь, придает им ее. Теперь эта связь была порвана, прежняя религия была насильственно отделена от священных чувств естества – и притом пусть даже ценою святости этих чувств. Так возникла инквизиция. Доминиканский монах Торквемада воссел первым на ее кровавый трон, выработал для нее статуты и клятвенно связал ими навеки свой орден. Раствление разума и умерщвление духа составляли ее обет, ее орудие были устрашение и позор. Все

человеческие страсти находились в ее услужении; ее незримое присутствие омрачало малейшую радость в жизни. Даже одиночество не было для нее достаточно одиноким. Страх перед ее воздействием сковывал свободу мысли даже в глубине души. Инстинкты человечества были подчинены религии; ей уступали свое место все связи, которые прежде считались у людей священными. Усомнившийся в справедливости ее притязаний считался еретиком, и за малейшую неверность учению церкви род его подвергался истреблению. Одно только сомнение в непогрешимости папы каралось тем же наказанием, что и отцеубийство, и считалось таким же позором, как содомский грех. Приговоры церкви напоминали ужасное поражение чумою и увлекали самые здоровые организмы в быстрый процесс разложения».

Орудием и первыми слугами этой инквизиции были доминиканцы.

Бруно десяти лет покинул Нолу и поселился в Неаполе у своего дяди, содержавшего там учебный пансион. Здесь он пользовался частными уроками августинского монаха Теофила Варрано, о котором он вспоминал всегда с большим уважением и впоследствии в своих диалогах обыкновенно предоставлял ему роль учителя под именем Теофила. Бруно слушал тогда лекции еще одного учителя, которого он называет Сарнезом. Вероятно, это был знаменитый впоследствии профессор Римского университета Виченцо Кале де Сарно. В 1562 году мы видим Бруно уже в монастыре св. Доминика,

в том самом монастыре, где за три столетия перед тем поучал великий Учитель церкви Фома Аквинский. Что, однако, побудило пятнадцатилетнего, богато одаренного юношу поступить в монастырь? Вероятнее всего, что Бруно хотел дополнить там свое образование. В те времена монастыри считались центрами умственной жизни; помимо того, они обеспечивали монахам средства к существованию и предоставляли им достаточно досуга, чтобы заниматься, как того хотел Бруно, наукой и философией. При поступлении в монастырь Филипп Бруно переименовал свое имя на Джордано (Jordanus) и под этим именем впоследствии стал известен всему образованному миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.